

Артур Дарра

Хранитель слёз

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Д20

Дарра А.

Хранитель слёз / Дарра А.; худ. Дарра А. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 178 с.

ISBN 978-5-532-93815-1

Это история о неустанных попытках найти себя в сегодняшнем огромном и холодном мире, нащупать собственную тропинку в череде быстро меняющихся дней, растопить душевный снег, под покровом которого затаились драматичные фрагменты прошлого. История о том, как иногда мечта всей жизни возвращается. И о том, какую цену порой приходится за это заплатить. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Посвящение и эпиграф	5
Часть первая. Снежность и кофе	6
I	6
II	12
III	16
IV	19
V	27
VI	33
VII	40
VIII	46
IX	60
X	65
XI	70
XII	77
XIII	86
Часть вторая. Вдох-Выход и Гренландия	90
I	90
II	93
III	99
IV	105
V	109
VI	113
VII	116
VIII	124
IX	134
X	138

XI	143
XII	154
XIII	161
Эпилог. 28908011 вдохов спустя	167

Посвящение и эпиграф

*Посвящается Лилии,
сказавшей:*

«Вот интересно: когда человек, с которым мы едем в одном автобусе, встаёт и выходит на своей остановке – это для нас абсолютно нормально. Потому что это – его остановка. А что, если в жизни всё точно так же?.. Когда человек приходит в нашу жизнь, мы «едем» какое-то время вместе. А когда он «выходит на своей остановке» – мы с благодарностью в сердце просто говорим ему «Пока!». Потому что его время пришло. И не расстраиваемся. Ведь таков его маршрут, верно?»

* * *

«Скажи мне сам прямо, я зову тебя – отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!»

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»

Часть первая. Снежность и кофе

I

Атмосфера здесь стояла самая что ни на есть отвратительная. Чистокровная зима ещё не пришла, но уже припугивала ноябрь своими эпилептическими припадками – хлесткими заморозками и густыми снегопадами. Ещё и наглая метель давала о себе знать регулярными налётами. Неудивительно, что за ночь вся земля в округе промёрзла и этим ранним снежным утром холодила ноги людям, что теснились вокруг свежевырытой могилы.

«И зачем я только согласился?!» – всё пилил сам себя Никита Нечаев, глубже заталкивая ооченелые ладони в карманы пальто. И, надо сказать, небезосновательно. Тётя Света никогда не являлась частью его жизни. Даже самой крохотной и отдалённой. Ни её визитов, ни звонков, ни даже родительских бесед о ней. Как будто её и вовсе никогда не существовало на Земле. Если только на какой-то другой планете – в иной галактике, о которой Никита никогда и не слышал.

Потому и стоял он теперь у могилы без какой-либо скорби, то и дело поглядывая на гроб и мысленно уже опуская его в землю. Мать Никиты отказалась приезжать на похороны родной сестрёнки, но при этом настояла, чтобы на них присутствовал сам Никита: «Нехорошо будет, если от нашей семьи вообще никто не придёт». Да и жили родители парня в весьма далёком отсюда селе. Далёком и совсем непохожем на тот город, в котором проживала тётя Света и в котором вот уже пять лет пытался прижиться Никита.

Замерзающий, он мельком поглядывал на других бедолаг. И уже не первый раз глаза его замирали на темноволосой девушке. Короткое черничное пальто плотно облегалo её стройную фигурку, неподвижно стоявшую по другую сторону могилы. Слёз или любых других уместных для похорон душевных проявлений на её лице не наблюдалось. Абсолютный эмоциональный вакуум, обрамлённый

чёрным платком. Никите лицо этой девушки почему-то казалось знакомым, но он, как ни старался, не мог вспомнить ни одного случая, когда бы с ней где-то встречался.

Рядом с девушкой, потупив взгляд в гроб, стоял мужчина в бледно-зелёном пуховике. Его застывшее морщинистое лицо тоже не выдавало никакой информации о том, какие чувства и процессы происходят под этой курткой болотного цвета.

Остальные же человек пять стояли совсем уж неприметно, зябко и одиноко переступая с ноги на ногу.

Никого из присутствующих Никита не знал и мог лишь смутно предполагать, кем они приходились покойнице. Умерла последняя два дня назад. Как слышал Никита, от инсульта. Случилось это на сорок шестом году её жизни.

Через несколько минут неказистые работники кладбища всё же опустили гроб в землю и стали его закапывать. Когда завершили с установкой тяжеловесного каменного надгробия и металлической ограды, Никита одним из первых нагнулся и положил на рыхлую почву букет белых лилий.

Сразу же вслед за ним к могиле слегка наклонилась девушка в чёрном платке. Быстрым движением она положила рядом с цветами Никиты одну тёмно-красную розу и тут же шагнула на прежнее место, словно желая поскорее завершить данный процесс. Мужчина в болотной куртке в этот самый момент сделался, как показалось Никите, каким-то уж слишком печальным.

«Пусть земля Вам будет прахом... ой, духом!» – мысленно обратился Никита к своей тёте. И затем, чтобы его окоченелый труп не слёг следом в соседнюю могилку, решил, что пора отчаливать.

Он напоследок окинул взглядом могилу, чёрно-белую фотографию покойницы (родство с его мамой всё же проглядывалось) и, с чувством хоть и выполненного долга, но всё же с некой пощипывающей изнутри тревогой, что оставляет раньше других это мероприятие, развернулся, вышел на тропинку и медленно побрёл к выходу.

В то время как выход находился совсем близко – всего-то в шагах тридцати, – Никита почему-то чувствовал, что так просто из кладбища он не выйдет. Будто должно произойти что-то ещё.

– Подождите! – тут же раздался за спиной мужской голос.

Никита замер. И, прикрыв веки, с мольбою прошептал: «Это не мне, это не мне...» Затем медленно обернулся.

– Извините! Могу я с вами поговорить? – К нему спешил тот самый мужчина в болотной куртке, в глазах которого теперь появилось заметное оживление.

– Со мной?... – произнёс Никита.

– Именно с вами.

– По какому поводу?

– Завещание... – остановившись перед Никитой, тяжело задышал мужчина. – Завещание Светланы Алексеевны. Меня зовут Михаил Обручев. – И, протянув Никите руку, добавил: – Я нотариус.

– Я не близкий родственник тёти Светы... – Никита нерешительно пожал руку странному нотариусу. – Я так... заскочил только...

– Нет-нет, именно вы-то мне и нужны! – возразил тот и даже положил руку ему на плечо.

– Я? – Никита озадаченно глядел то в морщинистое лицо незнакомца, то на его большую руку.

– Вы – особенно.

– Это, видимо, ошибка. Я тёти Светы совсем не знал. И нахожусь здесь по той лишь причине, что меня мама попроси...

– Нет-нет. Это не ошибка. Я знаю, о чём говорю, *Никита*.

Парень пристально посмотрел мужчине в глаза. Тот уверенно кивнул. Надо же, знает его имя. Но откуда? Твёрдый взгляд не сползал с лица Никиты. Да уж, деваться, пожалуй, некуда...

Никита неохотно, но всё же двинулся вслед за нотариусом.

– При разговоре также будет присутствовать Соня, – сказал тот, когда они вышли из кладбища и подошли к белому «Фольксвагену».

– Какая ещё Соня? – удивился Никита. Но нотариус или не расслышал, шагая впереди, или просто решил оставить вопрос без внимания.

Через минуту подошла та самая девушка в чёрном платке. Никита снова пристально посмотрел на неё.

– Я сочувствую... вашей утрате, – с некоторой паузой в словах обратился к ней Михаил.

– Благодарю... – ответила она полушёпотом. На её лице царствовала прежняя мертвенность.

Нотариус быстро и попеременно окинул взглядом Никиту и девушку.

– Мне почему-то кажется, что хоть вы и родственники, но ещё не знакомы... Это дочь Светланы Алексеевны – Соня. А это её племянник – Никита.

«Ничего себе новости... – изумился парень. – Моя двоюродная сестра?..»

– Привет, – выговорил он.

На что Соня лишь сухо кивнула в ответ. От неё исходило какое-то холодное бездушие, но под ним словно таилось что-то ещё. Очень похожее на нетерпеливость.

Нотариус открыл дверцу седана и вынул из бардачка пачку бумаг. Никита уже открыл было рот, чтобы снова сообщить, что всё происходящее – просто огромнейшая нелепая ошибка, но в последний момент передумал. С очень уж серьёзным лицом нотариус выискивал какие-то документы.

– Гражданка Трофимова Светлана Алексеевна, – наконец начал тот, обернувшись к Никите и Соне, – за две недели до своей смерти написала завещание, которое я вам сейчас зачту. Согласно ему...

Следующую минуту Никита стоял и думал о кофеварке. Да, как ни странно, именно о ней. Вот бы ему иметь свою кофеварку! И он бы каждое утро пил бодрящий сладкий кофе, который своим ароматом развеивался бы по всей кухне и круто поднимал настроение с самой зари. Он покупал бы разные сорта и, закусывая ореховым печеньем, потягивал бы этот чудесный напиток перед работой. И навсегда-навсегда забыл бы про тот быстрорастворимый суррогат «три-в-одном», которым ограничивались его повседневные будни.

Никита уже даже видел эту картину. Вот он просыпается, блаженно зевает, вытягивает руки к потолку, солнечные лучи приятно слепят его и расцвечивают утреннюю комнату, он медленно

встаёт, заходит на кухню и первым делом нажимает кнопку рождения кофе... Волшебно! И так – каждое божье утро! Каждое!

– ...подпись гражданки Трофимовой Светланы прилагается, – завершил Михаил и пристально оглядел родственников.

Никита стоял с мечтательно-задумчивым видом. И только когда образовалось значительное молчание, он очнулся, озадаченно уставившись на нотариуса.

– Э-э... – протянул он.

Каменность же Сони стала преображаться. Девушка вдруг побагровела в лице. И, сжав кулачки, посмотрела на Никиту. Вообще, как показывает история человечества, *такого* женского взгляда мужчинам лучше бы от греха подальше избегать. Но что поделать – тот был всецело устремлён на Никиту... Никиту, который всего лишь молча стоял и грезил о кофеварочных утрах в его жизни. Странно так бывает: вроде стоишь себе, ничего вызывающего не делаешь, однако и этого бывает достаточно, чтобы тебя, возможно, на всю жизнь возненавидели лютой ненавистью...

– Быть того не может! – стиснув зубы, выговорила Соня. Лицо её стало ещё мрачнее: скулы нервно задёргались, лоб грозно покрылся морщинками, в глазах будто вспыхнул огонь.

Никита поймал на себе этот испепеляющий взгляд – и тут же отвёл глаза. Но не потому, что почувствовал себя под зрительным гнётом неуютно. Его останавливало что-то другое. То, что заставило бы тут же отвести глаза, посмотри она на него там – у могилы, когда он до неприличия долго засматривался на неё. Но в тот момент она ни разу не подняла на него глаз. А сам Никита – что тогда, что сейчас – глядел на неё с каким-то даже странным умилением.

«Интересно, сколько ей? – всё гадал он бессознательно. — Двадцать пять? Двадцать семь? Не так уж и старше меня выглядит. Тридцать ей точно не дашь...»

Соня вдруг развернулась и, хлюпая сапожками по жиже из снега и грязи, быстро зашагала к красному «Форд Фокусу».

– Почему она ушла? – наконец опомнился Никита.

– А вы что, сами не понимаете? – Глаза Михаила расширились.

– Не совсем...